

Экзегеза как мифотворчество: Вячеслав Иванов о мистическом смысле слова «земля» в Евангелиях

Аннотация. В докладе анализируется доктринальное содержание доклада Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”», а также сеть контекстов (текстуальных, идейных, биографических), в которых он создавался. Отмечено, что доклад Иванова не является в строгом смысле филологическим или богословским исследованием значений лексемы «земля» в Евангелиях, а тезис Иванова о центральности «вопроса о Земле» для христианства не находит подтверждения в христианской догматике.

Показано, что среди источников экзегетических построений Иванова находятся концепции Мережковского и его мистика пола, оккультные мифологемы и интерпретации Евангелия от Иоанна, заимствованные у Р. Штейнера. Указано на контраст между доктринально гетерогенным содержанием доклада и подчеркнута традиционной формой его изложения. Демонстрируется, что некоторые из создаваемых Ивановым мифологем являются сюжетными инвариантами, проявляющимися в иных формах в других его текстах. Для прояснения концепций, лежащих в основе экзегетических построений Иванова, обсуждаемые темы анализируются в контексте других его сочинений с привлечением свидетельств из переписки, мемуаров, записей устных бесед.

1.

Аверинцев 2008, с. 782: «С рассуждения о жанровой чистоте как условия и аналоге вероучительного правосмыслия начинается и доклад Вяч. Иванова о евангельском смысле слова “земля”; выраженный во вступительных фразах благой страх перед богословским дилетантизмом, перед нарушением границы богословского дискурса, в серьезном смысле слова трогает <...>. Эту неожиданную интонацию чуть ли не робости надо суметь расслышать <...> Степень чувства ответственности, владевшего поэтом перед лицом подобных тем, сама по себе достойна уважения и вносит некоторые поправки в образ человека, которого столько раз изображали демоническим соблазнителем”.

2.

Иванов 1994, с. 144: «Всю догматику церковную я нахожу адекватно выражающей религиозную истину; но знаю также, что эта догматика не выражает *всей* истины в ее полноте. Не слишком много в церкви догматов; а, напротив, недостаточно: многое прежде скрыто или не раскрылось еще. <...> Верю в Церковь, как мистическую реальность, и в ее Таинства, как мистическую реальность (из чего вытекает признание духовного иерархизма), — почему сознаю себя — как и *вас*... находящимся в лоне Церкви. Относясь <...> отрицательно к человеческой организации церковной мистической реальности, я расхожусь с вами, быть может, в том, что, тем не менее, неправым считаю прекращение общения с церковною жизнью, с обрядом и Таинством: всюду и безраздельно приемлю мистическую реальность, где нахожу ее, — но только ее одну, — не смущаясь земными оболочками, ее затемняющими. Причастие, и переданное рукою убийцы, приемлю».

3.

Белый 2014, с. 624–627: «Было что-то в В.И. от идейного иезуитизма: вся гибкость его мне порою казалась приемом: пробраться в интимные закоулки чужого сознания <...> Чтоб кого-нибудь “*покорить*”, начинал агитировать он; и идейно порою пускался в интриги, <...> похождения с “*переодеванием*” <...> Многие называли Иванова “*идейною*”, метафизическою кокеткою; помню, что раз, рассердившись, воскликнул я: “Да, Вячеслав, переехав в Москву, снял квартиру теперь в *Православии*; и прекрасно устроился в ней, как устраивался некогда он в мистическом анархизме” <...> Когда носил бороду, то... чуть-чуть <...> “*христосился*” он (по Корреджио): сантиментально, вздыхательно; этот “*аспект*” в нем казался всегда подозрителен

<...> “Христов” — это беглый налет, пробегавший по умному и некрасивому лику, казался мне “авантюрою”, переодеваньем Иванова. <...> Отчетливо он пронизал собеседника, перевоплощаясь в него; он из каждого каждому продиктовывал нужные каждому смыслы; это умение перевоплотиться в захожего человека и делало его чарователем, чуть не учителем жизни: <...> великолепно с поэтами он рассуждал о пэоне втором и четвертом; с богоискателем — о непорочном зачатии».

Там же, с. 626-627: «Любил я его [Иванова] в колоссальнейших ботиках, утопающим в шубе на лисьем меху, в малой котиковой шапке; в таком виде его проглядывало поповское что-то, когда мы садились в саночки, отправляясь на заседание Религиозного общества; я имел вид псаломщика, вероятно; В. И. — вид “старинного батюшки” <...> — со стороны бы сказали: “Ну вот, — повезли попа: службу справлять!” <...> Редкие эти выезды всегда имели меткую цель: провозгласить, “совершить” обряд заседания, заключить союз, образовать группу: словом, — службу “справлял” он; и как же было уютно вернуться с ним после “на баиню”; и там, веселясь заключенным союзом, представить все в лицах: как Иванов “служил”, как “подтягивал” с клироса я и т.д.»

4.

Мережковский 1914б, с. 48: «Казалось нам, что быть христианином значит любить небо, только небо, отрекаясь от земли, ненавидя землю. Но вот христианство — не как отречение от земли, не как измена земле, а как новая, еще небывалая “верность земле”, новая любовь к земле, новое “целование земли”. Оказывается, что не только можно любить небо и землю вместе, но что иначе и нельзя их любить, как вместе, нельзя их любить раздельно, по учению Христа. Пока мы любим небо или землю не до конца <...> нам кажется, как Л. Толстому и Ницше, что одна любовь отрицает другую».

5.

[Корнелий Агриппа.] Arbatel de Magia XVI: «Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных, коим повелел Бог ведать всю сию громаду вселенной; их же светила зримые и имена на языке небесном суть: Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офиель, Фил. Владычествовал Бефор от 60 г. до Рождества Слова по 430 г.; ему наследовал Фалег до 920 г.; Фалегу Ох до 1410 г. Хагиф царствует по 1900 г.; оттоле Офиель» (пер. и атрибуция Вяч. Иванова).

6.

Иванов 1905, с. 35; «Агриппа Неттесгеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового вселенского периода, одного из тех периодов, длительностью каждый в 490 лет, сроки которых делят всемирную историю на последовательные царствия семи космических демонов. Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокнижников; но несомненно, что как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической атмосфере — и восприняты как предвестия какой-то иной, неведомой и грозной эпохи».

7.

Мережковский 1914б, с. 18: «“Богородица великая мать сыра земля есть” <...> “Мать сыра земля”, это — незапамятно-древнее, общее всем европейским народам, арийское <...>, как будто языческое, еще до-христианское, и, вместе, как будто уже не христианское, противохристианское, идущее от Антихриста — дерзновеннейший предел крайняя точка западно-европейской культуры. Мы, только мы, в самые последние дни этой культуры начинающие вспоминать забытый смысл ранних Элевсинских и поздних, соприкоснувшихся с христианством, греко-римских таинств Великой Матери, Доброй Богини, Magna Mater, Vona Dea, Кормилицы и

“упования рода человеческого”, многогрудой Кибелы Цереры, подземных таинств, в которых тело Богини превращалось в святой хлеб, только мы, услышавшие завет Заратустры-Антихриста: “братья мои, оставайтесь верными земле” — *bleibt mir treu der Erde* — смутно предчувствуем, какие неизмеримые религиозные возможности заключены в этом действительно пророческом символе».

8.

Герцык Е. 2007, с. 165: «В.И. нередко записывал <...> изречения <...> Помню такие: <...> *Vis eius integra si versa fuerit in terram.* <...> Поворот к Земле <...> на первых порах принимает у него форму иступленного культа женского начала. Оно заливает все в мире, утверждается как женское единобожие, как стихия, в которой сладость потонуть. <...> Историк — он листает ученые труды, ловит глухие указания на древний матриархат, грезит о новых формах его, о женщинах — жрецах будущего... Как из схлынувшего половодья, я сейчас нахожу следы этих настроений в его статьях и лирике 908 года. Я знала людей <...>, которые с негодованием говорили, что вся книга “*Cog ardens*” — сплошная сексуальность, опрокинутая на сферу духа, что от нее разит запахом семени. <...> Тонкий эротизм, и впрямь излучавшийся в то время из каждого слова Вяч. Ив., кружил и мне голову. <...> Мысль постоянно направлена на то, что мы называли мистикой пола. Помню, как я однажды в большом возбуждении писала В.И., что мне открылось, как в будущем сложится его жизнь в сфере любви, пола: он, мол, уж так высок, что для него неверна любовь к *одной*, искание личного счастья — он должен давать свою любовь всем живущим, приходящим к нему. И он, старший, не одернув меня, в лад мне ответил, что это и глубже, и мистичней, что сам он думал».

9.

Мережковский 1914б, с. 49: «Небо сходит на землю, обнимает землю, как любящий обнимает любимую (две половины, два пола мира) и земля отдается небу, открывается небу: “Тайна земная, по выражению Достоевского, соприкасается с тайною звездною”; — в этом-то “соприкосновении”, соединении и заключается сущность, если не исторического христианства, то самого учения Христова. Древо жизни не только уходит в невинное голубое небо весенними клейкими листочками, но и в темное, вечно-рождающее, вечно-сладострастное “чрево” матери сырой земли корнями своими. Пока земля не небесная — она все еще старая, языческая земля; пока небо не земное — оно все еще старое, не христианское, только кажущееся “христианским” небо. Но будет “новая земля и новое небо”: это значить будет земля небесная и небо земное».

10.

Альтман 1995, с. 42-43: «Читали Евангелие от Иоанна, разговор Иисуса с самарянкой (читали по-гречески) <...> В. сказал: “Этот разговор Христа с самарянкой есть разговор Жениха — Мужа Мира (истинный Князь Мира-Света, а не самозванец, князь тьмы) с вечно-женственной Душой Мира. И Христос прав, говоря, что она не имеет Мужа, ибо Муж тот, кто дает жизнь вечную <...>, кто дарит не растрление, а целомудрие <...>; и на слова Иисуса: “Жена, позови своего мужа” — Жена должна была ему ответить: “Ты мой Муж”. Ибо он только, он, седьмой, и есть Истинный, он, Мессия, есть Жених и Муж, которого ждет Мир <...> И ни один, кроме Христа, не был еще Мужем».

11.

Иванов 2008а, с. 77–78: «Окаменение <...> значило бы конец Земли, закристаллизовавшейся, **застывшей, как мертвая планета**, в ее современном состоянии. Она была бы избавлена от одержания дурными мужьями, но она не была бы спасена, высветлена Логосом. Процесс обращения к свету был бы прерван».

12.

Штайнер 2012, с. 493-497: «Во время события на Голгофе, когда кровь потекла из ран великого Спасителя, когда кровь Космического сердца пропитала Землю и излила свои силы до самого её центра, **Земля стала светиться** — изнутри её стал излучаться свет во всё окружение <...> Землю можно представить себе как космическую костную систему. **Она совершенно иссохла бы и окостенела**, если бы космическое сердце не посыпало свою животворную кровь через посредство человеческого тела и тем самым не оживляло бы её заново».

Штайнер 2014, с. 193-194: «Если бы кто-нибудь в это время смотрел с какой-либо отдаленной звезды на Землю, то он увидел бы, как изменился в момент этого события на Голгофе весь внешний облик Земли. Земля причастилась солнечного Логоса (Sonnenlogos), Он заключил с ней союз, стал Духом Земли. Он совершил это благодаря тому, что вошел в тело Иисуса из Назарета на тридцатом году его жизни, действовал в нем на протяжении трех лет и затем Его получила Земля».

13.

Иванов 1979в, с. 104: «Многих мужей имела богиня [Изида], подобно Елене, но не законные то были мужья, а насильники, овладевавшие одною ее тенью <...>, любившие ее призрак <...> Майю любили они как жену и мать, но девственной и недостижимою для мужского бессильного насильничества пребыла <...> сокровенная сущность Души Мира <...> В культе девственной Артемиды раскрывалась эта правда, и она же запечатлена в словах, начертанных у подножия покрытой покрывалом Саисской богини, которая, по Геродоту, была ипостасью Девы-Афины, по-египетски же именовалась Неиф: “Я то, что есть и было и будет, и ни один смертный и ни один бог не подымал моего покрывала”».

14.

Герцык Е. 2007, с. 167-168: «Мысли, владевшие тогда Вячеславом Ивановым, пробудили в нем интерес к хлыстовству, пьяному тем же вином духа. Насколько мне помнится, Пришвин, сам в то время увлеченный сектантством, повез его к хлыстовской богородице. <...> Состоялась у В. И. с нею долгая беседа. А через несколько дней он читал публичную лекцию о “Древнем ужасе”, и среди привычной модернистской публики в первых рядах сидела женщина, молодая еще, с красивыми строгими чертами, с головы до пят укутанная черной шалью. Это и была хлыстовская богородица. С жадным любопытством оглядывала я ее и впервые не утерпела — спросила, не мешает ли ее пониманию множество греческих имен, цитат? Она повела очень красным кончиком языка по тонким губам и, глянув на меня немножко насмешливо, ответила: “Нет, что ж, понятно: имена разные, и слова разные, а правда одна”».

15.

Пришвин 2007, с. 202: «18.01.1909. Хлысты не пришлось в метафизическую систему неоплатоника и etc... Человекобожество, язычество, гордыня... все обрезано... У Дарьи Вас. Смирновой (охтенская богородица). Целовали руки... Умиленность Иванова: Поразительное совпадение, я как раз пишу об этом. Отдельные разговоры. Полочка с мертвецами (бессмертие, покойники). Рождение по духу есть... Я с бомбой: мир естественный, душевный и духовный. Иногда не туда... Нужно знать, кто куда... управлять... Прежде всего познай себя: а когда познаешь, то еще (нужней) высшее...»;

Там же, с. 204: «6.02.1909. Встретил Павла Мих. [Легкобытова]. <...> Как он недоволен, что к богородице Иванов. <...> Они не могут сойтись как равные... <...> Перспектива его: Иванов и богородица — похоть. <...> Если богородица интеллигента найдет, он много даст ей».

16

Альтман 1995, с. 61: «И по законам Ветхого Завета блудницу побивают камнями. Камень — символ фаллоса <...> Символ камня-фаллоса бросает свет на знаменитую сцену Нового Завета: Христос и блудница. “Кто без греха, — сказал Он, — тот брось в нее первый камень”. И при этом, низко наклонясь, что-то чертил на песке. Именно чертил. Характерно, что камень всегда воплощен в мужчине».

17

Мережковский 1914б, с. 238-239: «Почему же Тот, <...> “наклонившись низко, что-то пишет перстом на земле”. Что пишет Он? Какое слово? Не слово ли последней любви и последней свободы о тайне пола преображенного, о тайне святого целомудрия и святого сладострастия? В Евангелии нет этого слова, единственного, не сказанного им, а написанного, никем не прочтено оно, навсегда забыто, стерто, с земли, развеяно пустынным ветром почти двух тысячелетий скопческого и прелюбодейного христианства <...> Кажется, именно это слово о старом грехе, о новой святости пола всего менее вмещается в нас <...> От вмещения этого слова Господня, главным образом, и зависит вся будущность христианства».

18

Минцлова А.Р.: «Прикосновение Христа к Земле — ἔγραφε εἰς τὴν γῆν — в этом *движении* Иисуса, величайшая из тайн — Врезывая в землю Слова, знаки любви и силы, Он освобождал свою Мать, свою невесту от Плена Ночи и Тьмы, от глухой *ущербной* Луны к легкому, тонкому Серпу Месяца — и через него, к Солнцу» (Иванов 1994, с. 154, прим. 27).

19

Вяч. Иванов. Письмо А.Р. Минцловой: «Я очень нуждаюсь в Ваших указаниях... Не покидайте ученика... С 3 февраля [по старому стилю], субботы, я наблюдаю ритм жизни. Час мой 11 ч. 11 м., как строжайшая *норма*, отклонения от которой я допускаю лишь так, чтобы утренняя медитация совершалась при исходе первой четверти двенадцати часов. Оказалось, что наиболее плодотворно для меня сочетать первые упражнения в дыхании Йоги с началом Иоаннова Евангелия, что имманентно содержит в себе для меня и учение “Suche den Weg” etc.

Потом все исчезает. Задержка дыхания — услада. Покой и тишина божественного лона, где сознает себя Логос, где он у Бога или к Богу и тотчас же — сам Бог. Слово зеркала «я» наведено на высшее, и в этом живом зеркале также движется Λόγος и Λόγος у Самого в я, и Λόγος — этот Сам... А потом при выдыхании струится творческий мир из легкого лона — πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο (Ин 1:3) — любовь и логосом, строгою, ответственною, трагическою, все утверждающею любовью, великим *Да*, последним звуком таинственного слога индусов. Так вдыхание становится жертвой, выдыхание Жрецом. А далее — Когда утомленная грудь хочет нового вдыхания, оно входит как Жизнь, и при задержке — свет наполняет погруженный в себя дух — а слова текста также <?> подтверждают, что *человек* — свет; а при выдыхании этот внутренний свет исторгается из глубины существа наружу и пронизывает тьму, которая его не обнимает. Так повторяется аналогически первый цикл, реально утверждая и закрепляя в Микрокосме то, чему он был тогда зеркалом, когда оно совершалось в Макрокосме».

20

Письмо Минцловой к Иванову от 13.01.1908: «Вы должны назначить определенное *время* - четверть часа или 20 минут всего, не больше — — — для *отдельной еще одной, особой молитвы* <...>. И об этом, *неизменном*, строгом часе — Вы известите меня *немедленно*, и в это время я, по

строго установленному правилу — должна присоединиться к Вашей молитве, молиться с Вами и благословить Вас, 12 раз, 12 дней, особым, великим благословением, каким может и должен благословить вступающего на путь ученика тот учитель, <...> кто прошел духовно через всю жизнь ученика, кто и страдал, и боролся за него — это могу и должна сделать теперь я, и только я одна могу сделать <...> Известите меня *точно* о времени молитвы, сейчас же».

21

Штайнер 2014, с. 179-180: «Упражнение. Рукопись № 3192. *Христианско-гностическая медитация*. I. Рано утром, сразу после пробуждения, пока еще никакие впечатления не прошли через душу, стараются полностью освободить сознание от всех воспоминаний о повседневной жизни. отвлечь внимание от всех внешних восприятий. Затем, по достижении такой внутренней тишины, дают жить в душе лишь: пяти первым стихам Иоаннова Евангелия. — <...> II. По прошествии <...> четырнадцати дней проходят всё Иоанново Евангелие так, чтобы в течение каждых 7 дней ежедневно человек жил в одной главе. Итак, в первые 7 дней: 1 гл. от 6 стиха до конца; во вторые 7 дней: 2 гл.; и т.д.»

22

Иванов 1990, с. С. 138–139: «Доктрина Штейнера есть синкретическое создание его собственного (достойного быть признанным гениальным) творчества, гигантский синтез р[озенкрейцеровской] традиции, других мистико-теософских систем (Индия) и современной мысли от Канта через *Гегеля* до натурфилософии наших дней. <...> Штейнер <...> ведет с собой; приняв на себя великую ответственность. <...> Штейнер уже возрос до великой силы и великого света. <...> Он добыл Благословение. Он прильнул к ногам Христа. <...> Сильному и верному нечего бояться ученичества у Штейнера. Вы видите, что *теперь* я его даже *люблю*. А уважал всегда».

23

Белый 2014, с. 628–629: «Я видел, что он, принимая от Минцловой много узнаний и формул оккультного мира, с узнаниями этими дилетантски играет <...> Э.К. Метнер <...> — не мог выносить: дилетантского отношения Иванова к эзотерическим истинам, преподаваемым Минцловой; видел отчетливо он, что Иванов порою играет в салоне своем с тем, что он получает от Минцловой, очень кокетливо он эзотерикой щеголял, точно пудрой кокетка <...> А.Р. представлялася часто какой-то дойной коровою; и В. Иванов выдаивал Минцлову; этакое отношение к “*учительнице*” мне казалось странным».

24.

Штайнер 2014, с. 124: «Настоящий христианин сказал бы им: <...> “Совершил он свое преступление или нет, <...> это должно быть предоставлено его карме, великому закону, который есть закон самого духа Христова”. <...> Карма исполняется в течение земного развития. <...>. Можно сказать обвинителям: “Заботьтесь о самих себе! Обвинение грешнику явит Земля. Впишем же в Землю то, что и без того уже, как карма, записано на ней!”».

25

М.В. Сабашникова (3/6 июня 1908 г.): «Глава 8 [Ев. от Иоанна]. Самостоятельное независимое “я” не судит других и только “я” и может судить. Карма его “*записана на земле*” (6 стих). (Христос после таинства Голгофы стал духом земли.) Остался один Христос и женщина» (Иванов 1994, с. 154. прим. 27).

26

Герцык Е. 2007, с. 177: «Помню среди других доклад В. Иванова “Земля и евангелие” и в

нем толкование главы VIII от Иоанна. К Христу привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и, испытывая Его, требовали от Него суда над нею. “Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом по земле, не обращая на них внимания”. Этот жест Вяч. Иванов толковал так: в земле вписана страстная судьба человека и неразрешима она в отрыве от земли, неподсудна другому суду. Но это тайное; Христос, подняв голову, сказал иначе внешним, экзотерическим словом: “Кто из вас без греха — пусть первый бросит в нее камень”. И, опять наклонившись низко, писал на земле».